

М. Булгаков

Последние дни (Пушкин)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Б90

Булгаков М.А.
Б90 Последние дни (Пушкин) / М. Булгаков – М.: Книга по Требованию, 2016. –
44 с.

ISBN 978-5-4241-2745-8

ISBN 978-5-4241-2745-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016
© М.А. Булгаков, 2016

Булгаков Михаил
Последние дни (Пушкин)

Михаил Булгаков
Последние дни (Пушкин)
Пьеса в четырех действиях
И, сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной...
"Евгений Онегин"
Действуют:
Пушкина.
Гончарова.
Воронцова.
Салтыкова.
Смотрительша.
Горничная девушка.
Битков.
Никита.
Дантес.
Шишкин.
Бенедиктов.
Кукольник.
Долгоруков.
Богомазов.
Салтыков.
Николай I.
Жуковский.
Геккерен.
Дубельт.
Бенкендорф.
Ракеев.
Пономарев.
Строганов.
Данзас.
Даль.
Студент.
Офицер.
Станционный смотритель.
Тургенев.
Воронцов.
Филат.
Агафон.
Первый преображенец.
Второй преображенец.
Негр.
Камер-юнкер.
Василий Максимович.
Слуга.
Квартальный.

Жандармские офицеры.

Жандармы.

Полиция.

Группа студентов.

Толпа.

Действие происходит в конце января и в начале февраля 1837 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Вечер. Гостиная в квартире Александра Сергеевича Пушкина в Петербурге. Горят две свечи на стареньком фортепьяно и свечи в углу возле стоячих часов. Через открытую дверь виден камин и часть книжных полок в кабинете. Угли тлеют в камине кабинета и в камине гостиной.

Александра Николаевна Гончарова сидит за фортепьяно, а часовой мастер Битков с инструментами стоит у часов. Часы под руками Биткова то бьют, то играют. Гончарова тихо наигрывает па фортепьяно и напевает. За окном слышна вьюга.

Гончарова (напевает). "...И печальна и темна... Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна... Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя... То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя..."

Битков. Какая чудная песня! Сегодня я чинил тоже у Прачешного мосту, на мосту иду, господи... крутит, вертит! И в глаза, и в уши!.. (Пауза.) Дозвольте узнать, это кто же такую песню сочинил?

Гончарова. Александр Сергеевич.

Битков. Скажите! Ловко. Воет в трубе, истинный бог, как дитя. Прекрасное сочинение.

Донесся дверной колокольчик. Входит Никита.

Никита. Александра Николаевна, подполковник Шишкин просят принять.

Гончарова. Какой Шишкин?

Никита. Шишкин, подполковник.

Гончарова. Зачем так поздно? Скажи, что принять не могу.

Никита. Да ведь как же, Александра Николаевна, его не принять?

Гончарова. Ах ты, боже мой, вспомнила!.. Проси сюда.

Никита. Слушаю. (Идет к дверям.) Ах, неволя... ах, разорение... (Уходит.)

Пауза.

Шишкин (входя). Покорнейше прошу извинить, очки запотели. Имею честь рекомендовать себя: подполковник в отставке, Алексей Петров Шишкин. Простите великодушно, что потревожил. Погода-то, а? Хозяин сабаку на улицу не выгонит. Да что же поделаешь? А с кем имею честь говорить?

Гончарова. Я сестра Натальи Николаевны.

Шишкин. Ах, слышан. Чрезвычайно рад нашему знакомству, мадемуазель.

Гончарова. Veuillez-vous s'asseoir, monsieur {Прошу вас, садитесь (фр.).}

Шишкин. Парле рюс, мадемуазель. Благодарствуйте. (Садится.) Погодка-то, говорю, а?

Гончарова. Да, метель.

Шишкин. Могу ли видеть господина камер-юнкера?

Гончарова. Очень сожалею, но Александра Сергеевича нет дома.

Шишкин. А супругу ихнюю?

Гончарова. И Наталья Николаевна в гостях.

Шишкин. Ах, ведь этакая незадача. Ведь это что же, никак не застанешь.

Гончарова. Вы не извольте беспокоиться, я могу переговорить с вами.

Шишкин. Мне бы самого господина камер-юнкера. Ну, слушаю, слушаю. Дельце-то простое. В разные сроки времени господином Пушкиным взято у меня под залог турецких шалей, жемчуга и серебра двенадцать с половиной тысяч ассигнациями.

Гончарова. Я знаю...

Шишкин. Двенадцать с половиной, как одна копеечка.

Гончарова. А вы не могли бы еще потерпеть?

Шишкин. С превеликим бы одолжением терпел, сударыня. И Христос терпел и нам велел. Но ведь и в наше положение надо входить. Ведь туловище-то прокормить надобно. А у меня сыновья, осмелюсь доложить, во флоте. Их поддерживать приходится. Приехал предупредить, сударыня, завтра продаю вещи. Персиянина нашел подходящего.

Гончарова. Убедительно прошу подождать. Александр Сергеевич уплатит проценты.

Шишкин. Верьте, не могу. С ноября месяца ждем, другие бы давно продали. Персиянина упустить боюсь.

Гончарова. У меня есть фермуар и серебро. Может быть, вы посмотрели бы?

Шишкин. Прошу прощения, канитель с этим серебром, сударыня. А персиянин...

Гончарова. Ну помилуйте, как же так без вещей остаться! Может быть, вы все-таки взглянули бы? Прошу вас в мою комнату.

Шишкин. Ну что же, извольте. (Идет вслед за Гончаровой.) Квартира славная какая. Что платите?

Гончарова. Четыре тысячи триста.

Шишкин. Дороговато. (Уходит с Гончаровой во внутренние комнаты.)

Битков, оставшись один, прислушивается, подбегает со свечой к фортепьяно, рассматривает ноты, поколебавшись, входит в кабинет. Читает названия книг, затем, испуганно перекрестившись, скрывается в глубине кабинета. Через некоторое время возвращается на свое место к часам в гостиную. Входит

Гончарова, за ней Шишкин с узелком в руках.

Гончарова. Я передам.

Шишкин. Векселек мы, стало быть, перепишем. Только уж вы попросите Александра Сергеевича, чтобы они сами пожаловали, а то извозчики уж больно дорого стоят. Четвертая Измайловская рота в доме Борцова, в заду во дворе маленькие оконца... Они знают... (У двери.) Оревуар, мадемуазель.

Гончарова. Au revoir, monsieur.

Шишкин уходит.

Битков (закрывает часы, кладет инструменты в сумку). Готово, барышня, живут. А в кабинете... Я уж завтра найду.

Гончарова. Хорошо.

Битков. Прощения просим. (Уходит.)

Гончарова - у камина. В дверях появляется Никита.

Никита. Эх, Александра Николаевна!

Гончарова. Ну что тебе?

Никита. Эх, Александра Николаевна! (Пауза.) Вот уж и ваше добро пошло.

Гончарова. Выкупим.

Никита. Из чего же это выкупим? Не выкупим, Александра Николаевна.

Гончарова. Да что ты каркаешь сегодня надо мной?

Никита. Не ворон я, чтобы каркать. Раулю за лафит четыреста целковых, ведь это подумать страшно! Каретнику, аптекарю... В четверг Карадыгину за бюро платить надобно. А заемные письма? Да лих бы еще письма, а то ведь молочнице задолжали, срам сказать! Что ни получим, ничего за пазухой не остается, все идет на расплату. Александра Николаевна, умолите вы его, поедем в деревню. Не будет в Питере добра, вот вспомните мое слово. Детишек бы взяли, покойно, просторно... Здесь вертеп, Александра Николаевна, и все втрое, все втрое. И обратите внимание, ведь они желтые совсем стали, и бессонница...

Гончарова. Скажи Александру Сергеевичу сам.

Никита. Сказывал-с. А они отвечают: "Ты надоел мне, и без тебя голова вихрем идет". Как не надоест, за тридцать лет!

Гончарова. Ну, Наталье Николаевне скажи.

Никита. Не буду говорить Наталье Николаевне, не поедет она. (Пауза.) А без нее? Поехали бы вы, детишки и он.

Гончарова. Ополоумел, Никита?

Никита. Утром бы из пистолета стреляли, потом верхом бы ездили... Детишкам и простор и удобство.

Гончарова. Перестань меня мучить, Никита, уйди.

Никита уходит. Гончарова, посидев немного у камина, уходит во внутренние комнаты. Слышится колокольчик. В кабинет, который в полумраке, входит не через гостиную, а из передней Никита, а за ним мелькнул и прошел в глубь кабинета какой-то человек. В глубине кабинета зажгли свет.

Никита (глухо, в глубине кабинета). Слушаю-с, слушаю-с, хорошо. (Входит в гостиную.) Александра Николаевна, они больные приехали, просят вас.

Гончарова (входя). Ага, сейчас.

Никита уходит в столовую.

(Стукнув в дверь кабинета.) On entre? (Входит в кабинет. Голос ее слышен глухо.) Alexandre, etes-vous indispose? {Можно войти?.. Александр, вам нездоровится? (фр.).} Лежите, лежите. Может быть, послать за доктором? (Выходит в гостиную, говорит Никите, который входит с чашкой в руках.) Раздевай барина. (Отходит к камину, ждет.)

Никита - некоторое время в кабинете, а потом уходит в переднюю, закрыв за

собой дверь.

(Входит в кабинет. Слова ее слышны глухо.) Все благополучно... Нет, нет...

Колокольчик. Никита входит в гостиную. Гончарова тотчас выбегает к нему навстречу.

Никита (подавая письмо). Письмо Алек...

Гончарова (грозит Никите, берет письмо). А, от портнихи? Хорошо. Скажи, что буду завтра днем. Ну чего ты стал, ступай (Тихо.) Тебе сказано не подавать писем.

Никита уходит.

(Возвращается в кабинет. Голос ее слышен глухо.) Бог с вами, Александр, говорю же - от портнихи. Право, я пошлю за лекарем. Дайте, я вас перекрещу... Что?.. Хорошо. Я умоляю вас не тревожиться.

Свет в кабинете гаснет. Гончарова возвращается в гостиную, закрывает дверь в

кабинет, задерживает ее портьерой.

(Читает письмо. Прячет.) Кто эти негодяи? Опять. Боже правый! (Пауза.) В деревню надо ехать. Он прав.

Послышался стук. Глухо голос Никиты. Появляется Наталья Николаевна Пушкина. Она развязывает ленты капора, бросает его на фортепьяно, близоруко

щуруется.

Пушкина. Ты не спишь? Одна? Пушкин дома?

Гончарова. Он приехал совсем больной, лег, просил его не беспокоить.

Пушкина. Ах, бедный! Да немудрено, буря-то какая, господи! Нас засекло снегом.

Гончарова. С кем ты приехала?

Пушкина. Меня проводил Дантес. Ну что ты так смотришь?

Гончарова. Значит, ты все-таки хочешь беды?

Пушкина. Ах, ради всего святого, без нотаций.

Гончарова. Таша, что ты делаешь? Зачем ты напрашиваешься на несчастье?

Пушкина. Ah, mon Dieu! Азя, это смешно! Ну что худого в том, что beau-frere {Бог мой!.. Муж сестры (фр.)} меня проводил?

Гончарова подает письмо Пушкиной.

(Читает, шепнет.) Он видел?

Гончарова. Бог спас. Никита хотел подать.

Пушкина. Ах, старый дуралей! (Бросает письмо в камин.) Несносные люди! Кто это делает?

Гончарова. Это тебе не поможет. Сгорит это, но завтра придет другое. Он все равно узнает.

Пушкина. Я не отвечаю за анонимные наветы. Он поймет, что все это неправда.

Гончарова. Зачем же ты мне-то говоришь так? Нас никто не слышит.

Пушкина. Ну хорошо, хорошо. Я сознаюсь, я точно виделась с ним один раз у Идалии, но это вышло нечаянно. Я и не подозревала, что он придет туда.

Гончарова. Таша, поедем в деревню.

Пушкина. Бежать из Петербурга? Прятаться в деревне? Из-за того, что какая-то свора низких людей... Презренный аноним... Он и подумает, что я виновата. Между нами ничего нет... Покинуть столицу? Ни с того ни с сего? Я вовсе не хочу сойти с ума в деревне, благодарю покорно.

Гончарова. Тебе нельзя видаться с Дантесом. Неужели ты не хочешь понять, как ему тяжело? И притом денежные дела так запутаны...

Пушкина. Что же прикажешь мне делать? Естественно, чтобы жить в столице, нужно иметь достаточные средства.

Гончарова. Я не понимаю тебя.

Пушкина. Не терзай себя, Азя, ложись спать.

Гончарова. Прощай. (Уходит.)

Пушкина одна, улыбается, очевидно, что-то вспоминает. В дверях, ведущих в столовую, бесшумно появляется Дантес. Он в шлеме, в шинели, запырен снегом, держит в руках женские перчатки.

Пушкина (шепчет). Как вы осмелились? Как вы проникли? Сию же минуту покиньте мой дом. Какая дерзость! Я приказываю вам!

Дантес (говорит с сильным акцентом). Вы забыли в санях ваши перчатки. Я боялся, что завтра озябнут ваши руки, и я вернулся. (Кладет перчатки на фортепьяно, прикладывает руку к шлему и поворачивается, чтобы уйти.)

Пушкина. Вы сознаете ли опасность, которой меня подвергли? Он за дверьми. (Подбегает к двери кабинета, прислушивается.) На что вы рассчитывали, когда входили? А ежели бы в гостиной был он? Он запретил пускать вас на порог! Да ведь это же смерть!

Дантес. Chaque instant de la vie est un pas vers la mort {Каждое мгновение жизни - это шаг к смерти (фр.)}. Слуга сказал мне, что он спит, и я вошел.

Пушкина. Он не потерпит. Он убьет меня!

Дантес. Из всех африканцев сей, я полагаю, самый кровожадный. Но не тревожьте себя - он убьет меня, а не вас.

Пушкина. У меня темно в глазах, что будет со мной!

Дантес. Успокойтесь, ничего не случится с вами. Меня же положат на лафет и повезут на кладбище. И так же будет буря, и в мире ничего не изменится.

Пушкина. Заклинаю вас всем, что у вас есть дорогого, покиньте дом.

Дантес. У меня нет ничего дорогого на свете, кроме вас, не заклиняйте меня.

Пушкина. Уйдите!

Дантес. Ах нет. Вы причина того, что совершаются безумства. Вы не хотите выслушать меня никогда. А между тем есть величайшей важности дело. Надлежит слушать. Там... Да? Иные страны. Скажите мне только одно слово - и мы бежим.

Пушкина. И это говорите вы, месяц тому назад женившись на Екатерине, на моей сестре? Вы и преступны, вы и безумии! Ваши поступки не делают вам, чести, барон.

Дантес. Я женился на ней из-за вас, с одной целью - быть ближе к вам. Да, я совершил преступление. Бежим.

Пушкина. У меня дети.

Дантес. Забудьте.

Пушкина. О, ни за что!

Дантес. Я постучу к нему в дверь.

Пушкина. Не смейте! Неужели вам нужна моя гибель?

Дантес целует Пушкину.

О жестокая мука! Зачем, зачем вы появились на нашем, пути? Вы заставили меня и лгать и вечно трепетать... Ни ночью сна... ни днем покоя...

Бьют часы.

Боже мой, уходите!

Дантес. Придите еще раз к Идалии. Нам необходимо поговорить.

Пушкина. Завтра начну у Воронцовой в зимнем саду подойдите ко мне.

Дантес поворачивается и уходит.

(Прислушивается). Скажет Никита или не скажет? Нет, не скажет, ни за что

не скажет. (Подбегает к окну, смотрит в него.) О горькая отрав! (Потом - к двери кабинета, - прикладывает ухо.) Спит. (Крестится, задувает свечи и идет во внутренние комнаты.)

Тьма. Потом из тьмы - зимний; день. Столовая в квартире Сергея Васильевича Салтыкова. Рядом богатая библиотека. Из библиотеки видна часть гостиной. В

столовой накрыт завтрак; Филат стоит у дверей.

Кукольник. Разрешите, Александра Сергеевна, представить вам нашего лучшего отечественного поэта - Владимира Григорьевича Бенедиктова. Вот истинный светоч и талант!

Бенедиктов. Ах, Нестор Васильевич!

Кукольник. Преображенцы, поддержите меня! Вы высоко цените его творчество!

Преображенцы (двое, сыновья Салтыкова) улыбаются.

Салтыкова. *Enchantée de vous voir* {Очень рада вас видеть (фр.)}. Чрезвычайно рада вас видеть, господин Бенедиктов. И Сергей Васильевич любит наших литераторов.

Следом за Бенедиктовым, скромным человеком в вицмундире, подходит к руке

Салтыковой хромой князь Петр Долгоруков.

Рада вас видеть, князь Петр Владимирович.

В столовой появляется Иван Варфоломеевич Богомазов.

Богомазов. Александра Сергеевна. (Подходит к руке Салтыковой.) А почтеннейшего Сергея Васильевича еще нет, я вижу?

Салтыкова. Он тотчас будет, просил извинить. Наверно, в книжной лавке задержали.

Богомазов (Долгорукову). Здравствуйте, князь.

Долгоруков. Здравствуйте.

Богомазов (Кукольнику). Был вчера на театре, видел вашу пиэсу. Подлинное наслаждение! Публики - яблоку негде упасть! Позвольте поздравить вас и облобызать. Многая, многая лета, Нестор Васильевич!

Филат. Сергей Васильевич приехали.

Кукольник (тихо, Бенедиктову). Ну, брат, насмотришься сейчас.

Салтыков входит. Он в цилиндре, в шубе, с тростью и с фолиантом под мышкой. Ни на кого не глядя, следует к Филату. Бенедиктов кланяется Салтыкову, но поклон его попадает в пустое пространство. Долгоруков, Богомазов и Кукольник смотря в потолок, делая вид, что не замечают Салтыкова. Филат наливал чарочку водки. Салтыков окидывает невидящим взглядом группу гостей, выпивает, закусывает кусочком черного хлеба, прищуривается. Преображенцы улыбаются.

Салтыков (сам себе). Да-с, не угодно ли? *Secundus pars! Secundus!* {Второй часть. Второй (лат.) Салтыков подчеркивает типографскую опечатку. Правильно "*secunda pars*" - вторая часть, так как "*pars*" женского рода. (Исторический случай - у Салтыкова действительно была эта книга с указанной опечаткой.)} (Смеется с сатанинским смехом и выходит.)

Бенедиктов бледнеет.

Салтыкова. *Mon mari!*... {Мой муж... (фр.)}

Кукольник. Александра Сергеевна, не извольте беспокоиться. Знаем, знаем. На отечественном языке говорите, Александра Сергеевна. Вы услышите, как звучит наш язык в устах поэта.

Салтыкова (Бенедиктову). Мой муж - страшнейший чудак. Я надеюсь, что это не помешает вам чувствовать себя у нас без церемонии.

Салтыков возвращается. Он без цилиндра, без шубы, без трости, но по-прежнему с фолиантом. Тут все обращают к нему оживленные лица.

Салтыков. А! Весьма рад! (Стучит по фолианту.) *Secundus pars. Secundus!* Преднамеренная опечатка! *Corpus juris romani! Elzevir!* {Свод римских законов! Эльзеvir! (лат.) Эльзеvir - голландская типография XVI-XVII веков.} (Преображенцам.) Здравствуйте, сыновья.

Преображенцы улыбаются.

Богомазов. Позвольте же поглядеть, Сергей Васильевич.

Салтыков. Назад!

Салтыкова. Серж, ну что это, право!

Салтыков. Книги не для того печатаются, чтобы их руками трогать. (Ставит книгу на камин. Салтыковой.) Ежели ты только ее тронешь...

Салтыкова. И не подумаю, и не надобно мне.

Салтыков. Филат, водки! Прошу вас.

Салтыкова. Прошу к столу.

Усаживаются. Филат подает.

Салтыков (глядя на руку Кукольника). А вас можно поздравить,

Кукольник. Да-с, государь император побаловал.

Долгоруков. Рука всевышнего вас наградила, господин Кукольник.

Салтыков. Неважный перстенок!

Кукольник. Сергей Васильевич!

Салтыков. По поводу сего перстня вспоминается мне следующее. Филат! Что там на камине?

Филат. Книга-с.

Салтыков. Не ходи возле нее.

Филат. Слушаю.

Салтыков. Да, вспоминается мне... В бытность мою молодым человеком император Павел пожаловал мне звезду, усеянную алмазами необыкновенной величины.

Преображенцы косятся на Салтыкова.

А такой перстень я и сам могу себе купить за двести рублей или за полтораста.

Салтыкова, Серж, ну что ты говоришь!

Бенедиктов подавлен.

И все ты наврал, и никакой звезды у тебя нет.

Салтыков. Ты ее не знаешь. Я ее прячу от всех вот уж тридцать семь лет с табакерками вместе,

Салтыкова. Ты бредишь.

Салтыков. Не слушайте ее, господа. Женщины ничего не понимают в наградах, которые раздают российские императоры... Только что видел... проехал по Невскому... le grand bourgeois {Первый буржуа (фр.)} ..в саночках, кучер Антип...